Автор: Администрация портала
16.01.2012 13:16

Лауреат Международного литературного конкурса "Кубок Мира по русской поэзии - 2014".

Наталья САННИКОВА, Уфа (Россия)

ФАНТИКИ

Мама

В палате мужской событие – прибыл новый жилец. Не плачет, не стонет, только глазами хлопает. «Малявка из-под ножа, а не ноет, гляди, молодец», – старожилы судачат под медсестричкины хлопоты.
Впрочем, жилец пока под цвет простыни, и взглядом ищет кого-то около. «Мама, ты не уйдешь?», – не голос – нить, тоньше, чем та, что правый бок заштопала.
Женщина лет сорока кивает, опухшие пряча глаза. Жилец просит пить, и ему промокают губы смоченной ваткой. А за окном райбольницы – гроза, и море боли – по самую крышу – еще не идет на убыль.
Голос срывается: «Мама, так жжет в боку, устала спина, можно перевернуться?»
Соседи ворчат: терпи, по боку боль мужику, и один – напротив – шумно тянет из блюдца чай. А жилец, пытаясь пустыню сглотнуть, царапает нёбо, в жажду, как в сеть, запутан, и, кажется, просто приснился недавний путь из деревни в больницу, на хлебовозке попутной, по ухабам, в кабине, отец держал на руках, говорил: хочешь выжить – значит,

придется резать.
Жить хотелось.
Жилец возвращался издалека, полз по песку голышом на свет и на голос резкий, зовущий то ли на ужин, то ли на жизнь.
Мама держала за руку, как за ниточку шар воздушный. Чтобы остаться рядом, мыла больничные этажи, поправляла лежачим подушки, а под утро дремала на голом полу под кроватью. Однажды засобиралась, сказала, вернусь к полудню, так что не будет самую малость.
Прибежала под вечер. И замерла у двери.
А мужики ей: нет больше нашей невесты.
Дочку-то вашу нынче перевели.
В женской палате освободилось место.

Черный зонт

Сиганула с крыши сарая, насмотревшись про Мэри Поппинс. Черный зонт со сломанной спицей не взмыл.
Отец грозился намылить шею, а бабушка говорила, что зря я, и надо просить прощения у землицы за то, что ударила ее... мягким местом.
Я ныла, держась за живот, упиралась, мол, это она меня, так не честно...
Бабушка улыбалась: а ты попроси, и боль уйдет – средство верней, чем лед – материнское сердце земли не камень.
Но я больше верила синякам и меньше всего молитве.
Хотя слова (или боль) вызывали озноб, и я прислоняла упрямый лоб к тайне, и, казалось, слышу ее под лопатками – слитый с дыханием стук – первый миротворящий звук, родившийся прежде света. Конечно, вряд ли я думала так об этом, просто, наверно, еще не забыла и знала наверняка: сильнее и чаще – тревога, размеренный голос Бога звучит в нас, не умолкая, а боль – это страх потолка, когда срываешься с края и не можешь взлететь.
Но дети не верят в смерть.
И, значит, боль мимолетна.
С тех пор много лет для погоды нелетной – черный со сломанной спицей зонт.
Может, когда-нибудь в старости испробую розовый, как мечта безупречный, чтоб без угрозы тяжких телесных увечий земле спланировать за горизонт.

Фантики

Конфетные фантики пахнут начинкой лета:
беспечностью, солнцем и островом Чунга-Чанга,
дождем пралине, карамельного цвета пледом,
черемухой спелой, неведомым фруктом манго,
костром, жженым сахаром, сладкой чердачной пылью,
сосновой смолой и порванным новым платьем
на старом заборе (здесь помнится подзатыльник),
молочной росой, свежескошенной на закате,
ночевкой на сеновале, душицей, мятой,

глазурью небес, душистым горошком звездным
в дырявой крыше, сонной травой примятой
и мармеладом с котлетой на завтрак поздний,
вишневым вареньем, ёлкой и снова летом...
а рот до ушей в шоколаде – надолго хватит.
Будто вернулся и гладишь знакомый фантик
развернутой сыном
конфеты

* * *

Не отпустила. Грозилась повеситься.
Он остался.
Больше любила, наверно. Был весь в отца.
Первый. Старший.

Батю не помнили фотокарточки.
Спит пехота
где-то под Курском, лежит вповалочку.
Беззаботно.

Здесь – лебеда, трудодни да пахота.
Сон короткий.
Быстро взрослелось в черной рубахе той.
Бесповоротно.

Ближе к земле – проще выжить, казалось бы.
Он и выжил.
Ниже к земле без единой жалобы –
небо ближе.

Небо держалось, скрипело на избах трех.
И устало.
Вкрадчиво, как проступает на камне мох,
ела старость.

В том году засуха выгрызла дочерна
все живое.
Мать отправлял к городской ее дочери.
Под конвоем.

После до света курил под окошками.
Выла псина.
И тишина ртом немым перекошенным
голосила.

Всех поминала, кому не по возрасту
жмет землица.
И не ослабить тесного ворота.
Не откреститься.

Мать хоронили за тысячу верст. И он
не поехал.
Вязла деревня в осени островом
по застрехи.

Жар ледяной оседал в крови спорами,
белым сором.
Спрашивал землю и небо, скоро ли?
Вышло скоро.

В город свезли против воли. На химию.
Врач в палате
детям сказал: он не помнит имени,
неадекватен.

Все повторяет: откройте ставни, мол,
света мало.
И для чего ты меня оставила
.....

Страница автора в сети

О себе

В детстве я собирала фантики. Когда было грустно, хотелось сладкого, или в негулятельную погоду это шелестящее ароматное сокровище извлекалось, раскладывалось, разглядывалось, ощупывалось и обонялось.

Теперь, когда грустно и хочется сладкого, я проделываю примерно то же самое с лучшими мгновениями детства.

Вот думаю: или уже впадаю, или еще не выпала?

Наталья САННИКОВА, Уфа (Россия).

Автор: Администрация портала
16.01.2012 13:16

